

МАКСИМ ЧЕРТАНОВ

Полина

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Ч50

Чертанов М.

Ч50 Полина / Максим Чертанов. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 205 с. — (Серия «Пальмира — триллер»).

ISBN 978-5-517-02654-5

Девочка, лишившись мамы, попадает в дом отца, который когда-то от нее отказался, и знакомится со своим братом. Что объединяет детей? Любовь друг к другу, ненависть к отцу и желание мести...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-02654-5

© Максим Чертанов, 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Глава 1

ЗОЛУШКА

Мачеха — злое слово, такое слово, от которого всякий подумает: бедные, бедные дети... Но в жизни все не так, как в сказках: Макс свою мачеху любил больше, чем маму, а я не успела понять, хороший или плохой человек моя мачеха, очень уж скоро она умерла.

В день, когда ее хоронили, было ужасно холодно и падал снежок, хотя был еще только октябрь; нынче январь, а погода почти такая же, Макс говорит, теперь повсюду аномальные температуры, Максу можно верить, он интересуется природными явлениями, как и я, хотя мне интересней живая природа (например, кошки), а Максу больше нравится мертвая.

Папа строго-настрого запретил Максу идти на похороны, но Макс, конечно, все равно пошел, прогуляв уроки; я тогда еще мало знала Макса, но и то поняла сразу, что он пойдет, и мне удивительно было, что папа не предвидел такого Максова поступка, ведь он-то, в отличие от меня, знает Макса с рождения. Вечером, когда папа приехал с работы и узнал обо всем от Киры (новой гувернантки), он очень сильно кричал на Макса. Обычно Макс на упреки папы отвечает какой-нибудь дерзостью, но в тот вечер он ничего не ответил: просто швырнул вилку, убежал в свою комнату, заперся и никому не открывал, даже мне. Максу было очень плохо, ведь он любил ее. А я не знаю, плохо мне было или

хорошо, наверно, если быть до конца честной, мне было больше хорошо, чем плохо, потому что не только у меня умер любимый человек и еще потому, что Макс стал сиротой, как и я.

Макс и я — родные брат и сестра, не сводные, а настоящие родные, на юридическом языке это называется единокровные, так Макс объяснил, он любит все юридическое. Но еще год тому назад я не знала о существовании Макса, как и Макс не знал, что у него есть младшая сестра. Дело в том, что папа бросил маму, когда Максу было полтора года, а меня только-только привезли в кульке из роддома, так что вполне естественно, что мы оба ничего друг о друге не помнили. Папа поступил так с мамой, потому что вообразил, будто я родилась не от него, а от другого мужчины. (Я этого не знала, пока мы жили с мамой, а узнала только от Макса.) Чтобы наказать маму посильней, папа отсудил себе Макса и сделал так, чтобы мама никогда больше Макса не видела: уехал в далекий подмосковный город, женился там на дочке богатого человека и окружил себя юристами и другими людьми, которые охраняли Макса от нашей мамы, а когда мама попыталась увидеть Макса, папа пригрозил ей, что и меня отберет, и мама поверила (хотя я была папе абсолютно не нужна) и очень испугалась.

Мы с мамой жили бедно, но счастливо, только у мамы было больное сердце и она часто лежала в больнице, а когда мне было десять с половиной лет, она умерла. (На днях будет годовщина ее смерти.) Перед смертью мама договори-лась со своей двоюродной сестрой, что та заберет меня к себе, но все вышло иначе. Сперва органы опеки и почепи... то есть попечительства хотели сдать меня в детский дом, но потом передумали: известили папу (ведь по документам я оставалась его дочерью), и папа вдруг изъявил желание взять меня. Макс говорит, он сделал так потому, что ему показали мою фотографию и он увидел, как сильно я на него

похожа: только слепой мог бы подумать, что он мне не родной отец.

Мне тогда было все равно: я заранее, еще до того, как мама умерла, приняла твердое решение, что не буду жить без мамы и умру. Я не потому решила сделать это, что боялась остаться одна — я привыкла управляться по хозяйству, когда мама болела — нет, просто тоска моя была чересчур велика и я не видела в жизни без мамы никакого смысла. Я выпила яд (от тараканов) и сразу, чтоб не мучиться долго, прыгнула из окна нашей квартиры, но из всего этого толку не получилось: я сломала ногу, и меня увезли в больницу накладывать гипс и промывать желудок; все это было так ужасно мерзко, что вспоминать не хочется. Тогда я поняла, что умереть не так просто, как кажется на первый взгляд. Но я не оставила своего намерения, только решила в следующий раз подойти к этому делу серьезно — например, украсть где-нибудь пистолет или купить его у какого-нибудь продажного милиционера.

Ну так вот, из больницы меня забрал папа (то есть его шофер Василий Васильевич меня забрал, а сам папа только оформил документы), и меня сперва на самолете, а потом на машине привезли в городок, где я сейчас живу, и я еще три недели лежала с загипсованной ногой в папином особняке, то есть в нашем особняке — никак не привыкну, что этот большой красивый дом теперь и мой, а я такая же богатая, как мой брат. Но тогда мне было наплевать на красоту и богатство этого дома, так сильно я тосковала по маме, а папу я совсем не любила и боялась его, и я, наверное, что-нибудь сделала бы с собой, даже несмотря на сломанную ногу, если бы не Макс: когда я в первый раз его увидела и узнала, что это мой брат, мне немножечко захотелось жить.

Хотя мы родные брат и сестра, мы ничуть друг на друга не похожи. Я, как уже было сказано, похожа на папу: у меня такие же губы, чуточку вывернутые, как у мулатки, курно-

рый нос, темные волосы и карие глаза, маленькие, но очень яркие. А Макс, напротив, копия нашей мамы: такой же светлый, с большими серыми глазами, загнутыми ресницами и ямочкой на подбородке: увидав его, я подумала, что брежу, испугалась и заплакала, а он подошел к моей постели и стал гладить меня по голове, и тогда я расплакалась еще сильнее. Все время, пока я лежала в гипсе, Макс был ко мне очень добр: много расспрашивал меня о маме, приносил книжки, рассказывал чудесные страшилки, подарил мне кучу вещей, каких у меня никогда не было: самый крутой смартфон, айпад и всякое такое. (Папа тоже мне постоянно дарил дорогие вещи, но его подарки меня не радовали по-настоящему, потому что я знала, как он поступил с мамой и со мной.)

Я люблю Макса, люблю больше всего на свете (после мамы, конечно); поэтому я до сих пор не умерла и, может быть, доживу до глубокой старости, хотя это маловероятно, так как Макс сказал мне, что хочет умереть молодым, а я хочу, чтоб мы с Максом умерли в один день.

Теперь о мачехе: вы, наверное, подумали, что дочка богатого человека, на которой папа женился, когда бросил маму, и есть та самая мачеха, что умерла в октябре прошлого года. Плохо же вы знаете моего папу. Та дочка (благодаря ей папа сумел разбогатеть) была его второй женой; Макс говорит, она была неплохая, только нудная очень. Но когда Макс было пять лет (сейчас ему тринадцать), папа с ней развелся, потому что разлюбил или не любил никогда, и они с Максом остались вдвоем. Тогда папа еще очень сильно — на свой лад, конечно, — любил Макса, так как надеялся, что Макс будет достойным наследником его бизнеса и богатств. Но смотреть за Максом папе было некогда и он нанял гувернантку с педагогическим образованием. Эта гувернантка, Полина, была молодая и очень красивая: длинные волосы,

брови дугой, а глаза огромные, черные. Три года Полина жила в папином доме и замечательно ладила с Максом, да и с папой, видимо, тоже, раз он по истечении этих трех лет на ней женился; больше того, папа разрешил Полине усыновить Макса, чего не позволял своей второй жене, той, что богатая дочка. (Я точно не знаю, как папе удалось это про-вернуть, как он лишил маму родительских прав на Макса, но как-то удалось: когда у человека есть деньги, ему удастся все, чего он пожелает.) Так Полина стала для Макса мате-рью — ведь нашу маму он совсем не помнил.

Но мне Полина матерью не стала: может, она и хотела меня удочерить, да не успела. Мне она была мачехой, и по-началу я, как все дети в книжках, невзлюбила ее. Но не по тем причинам, по каким дети из книжек не любят свою ма-чеху. Там они не любят мачеху, во-первых, потому что рев-нуют к ней папу и оскорблены за маму, а во вторых, потому что мачеха злая и их тиранит. У меня все было иначе. Папу я не знала и не любила, так что не могла его ни к кому рев-новать. В смерти мамы Полина никак не была виновата и не пыталась оскорбить ее память, а, напротив, говорила о ней со мною очень ласково. Злой она не была. Она была веселой. Макс в ней души не чаял, а она — в нем. Вот потому-то я ее и не любила. Я ревновала, это верно, но не папу, а Макса. Когда я видела, как они вдвоем над чем-нибудь хохочут и он к ней ласкается — это наш-то Макс, «испорченный мальчик с болезненной психикой», по выражению Киры, и «жесто-кий и циничный паршивец», как его теперь называет па-па, — мне хотелось ее укусить.

Однако в общем и целом отношения с Полиной у меня складывались нормально. Она занималась моими уроками и моим гардеробом, но так ненавязчиво и весело, что эта опека не раздражала меня. Еще раз скажу, что я не успела как следует разобраться в характере Полины: мы с ней про-жили бок о бок меньше трех месяцев — февраль, март и по-

ловину апреля, — а потом разразился ужасный скандал, и папа выгнал ее из дому и очень быстро развелся с ней. Причина была все та же (я хочу сказать, та же, что и для развода с мамой): якобы Полина ему изменяла. Не знаю, так ли это было на самом деле, а с Максом на эту тему невозможно говорить: он бледнеет и молчит, а может и ударить. Насколько я поняла (дети понимают намного больше, чем, по мнению взрослых, им следует понимать), папа заподозрил Полину в том, что она была в любовной связи с его прежним шофером, Тимуром. Возможно, он и не ошибался. Тимуру было двадцать девять лет, он был красивый и смешливый; папе тридцать пять, он тоже довольно красивый, но резкий и злой, как все богатые, к тому же он был постоянно занят своей работой, так что, может, Полине и было с этим Тимуром хорошо. Я ее не осуждаю.

Папа со скандалом прогнал Полину, но проявил к ней некоторую доброту: дал ей денег столько, чтобы хватило на самую маленькую и дрянную однокомнатную квартирку. Что же сделала Полина? Она купила квартиру в доме прямо напротив папиного, то есть нашего! (В нашем районе особняки соседствуют со старенькими панельными домами; эти дома собираются сносить и строить на их месте торговый центр, но пока они еще стоят.) Наш дом — крайний в ряду особняков, и, когда я выглядываю из окна моей комнаты, то хорошо вижу окна квартирки, где жила Полина после изгнания, а, если вооружусь Максовым охотничьим биноклем, могу разглядеть, как там, за занавесками, движутся тени новых жильцов.

Этим поступком Полина еще больше восстановила против себя папу: он велел ей на пушечный выстрел не приближаться к Макс, а она назло папе поселилась куда ближе пушечного выстрела; более того, она написала в суд иск о том, чтобы Макса отдали ей, ведь с юридической точки зрения она была ему матерью. Папа был, разумеется, в бешенстве —